

Тендряков В. Ф. Время далекое и время близкое :

[о кн. К. Икрамова «Пехотный капитан»]

/ В. Тендряков // Дружба народов. — 1976. —

№ 10. — С. 275-276.

ВРЕМЯ ДАЛЕКОЕ И ВРЕМЯ БЛИЗКОЕ

Камил Икрамов. Пехотный капитан.
Роман. М. Изд-во «Детская литерату-
ра». 1975

В научной фантастике это одна из модных тем — люди, путешествующие по времени. Но, право же, не обязательно прибегать к фантастике, вооружать героев релятивистскими ракетами или гипотетическими машинами времени, чтоб перемещаться из века в век, из одной исторической эпохи в другую. Такое может происходить в нашей жизни и сейчас, постоянно происходило и в прошлом.

Переведенный из гвардии в пехоту капитан Ельцов не был доволен тем временем, в котором он жил, как не были довольны и его знакомые офицеры, в том числе и полковник Пестель. Они считали, что время России отстало, догнать Запад, форсировать развитие страны — вот долг каждого культурного, честного и деятельного гражданина. Правда, капитан Ельцов не разделял самых решительных взглядов, считал, что время следует подгонять не с оружием в руках, а либеральными реформами. Решительные товарищи Ельцова 14 декабря выступили на Сенатской площади, потерпели поражение, пятеро из них были повешены, остальные отправлены в Сибирь. Судьба еще раньше забросила Ельцова в Сибирь, в далекий гарнизон, но даже там он попадает под подозрение за связи с декабристами. Его под арестом везут в Петербург, на постоялом дворе происходит стычка, сопровождавший жандармский ротмистр убит, Ельцов бежит.

Далеко убежать он не успевает, степные разбойники хватают его и продают в Хивинское ханство. Просвещенный дворянин, сто-

ронник свободолюбивых идей Запада попадает в иную историческую эпоху. Здесь еще рабство, Ельцов становится рабом. Нет, не крепостным, не вассалом, а рабом, какие были в Азии и во времена римского могущества, и во времена падения Вавилона.

Так разворачивается исторический роман К. Икрамова «Пехотный капитан». Читатель, следующий за героем Икрамова, переживает не только некий сдвиг во времени, у него происходят сдвиги и во взглядах — знакомое начинает уже представлять в ином виде.

Кто из нас не представляет себе время начала царствования Николая I: казенщина и лихоимство, непосильные оброки и шпицрутены, заботность народа и тупость самодержавия. Но из Хивы вдруг с пронзительной отчетливостью становится видно, как все-таки далеко ушла Россия от дремотной Азии. Уже во весь голос заявил о себе Пушкин, и уже начался тот процесс, который повлияет на культурное развитие всего мира. И сам факт выступления декабристов говорит, что родились свободолюбивые надежды и никакими виселицами их не уничтожишь. И в провинциальной Казани Лобачевский уже собирается совершить свой великий научный подвиг — открытие новой геометрии.

И все же в России, по выражению Герцена, вверху и внизу календари разные. Товарищи по несчастью капитана Ельцова, российские простолюдины, не слишком-то остро ощущают перемену времени: они были рабами дома, рабы и здесь. Некоторые из них в хивинском рабстве чувствуют себя даже лучше, чем на родине. Федька Грушин, например, стал ханским телохранителем, с усердием калечит и убивает в угоду своему господину, он всесилен, его боятся и власть имущие.

Известное диалектическое положение, что любое историческое время чрезвычайно многообразно, сложно, изменчиво, легко повторить в виде философской сентенции, но крайне не просто воплотить в художественном произведении. К. Икрамов успешно справляется с этой труднейшей задачей, мастерски преобразуя отвлеченную мысль в конкретные образы.

Как ни закоснело время Хивы в варварском деспотизме, в тысячелетнем рабстве, но и в нем ощущается движение. Свежее веяние проникает в смрадный мир хана Аллакули в облике трех молодых хивинцев. Их образы, мне кажется, едва ли не самая значительная удача автора. Двое юношей из знатных семей — сын богатого сотника и сын влиятельного муллы. Третий — плебей, сын казненного медника, сам медник. Всех троих объединяет жажда знаний и стремление к справедливости. Они становятся учениками пленного капитана Ельцова. И он, друг декабристов, бережно, исподволь передает им опыт просвещенной России. Среди тягостного, первозданного рабства звучат пушкинские стихи:

Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой...

А медник Азим, потомок восточных ремесленников, издавна удивлявших мир творениями рук своих, создает, по сути, заново изобретает паровую машину, тогда самое высшее техническое достижение.

Передовое время... Автор сталкивает его с временем косным, чудовищно отсталым, а потому без патетических славословий и дидактических сентенций дает почувствовать красоту и силу прогресса, заложенную в это сухое понятие. Передовое время... Но Икрамов показывает, что даже самое передовое время порождает уродства, подчас зловещие.

Тогда на самом пике времени находилась Англия. Капиталист, не боящийся запачкать манишку, стремительно становится там хозяином положения, строит механизированные фабрики, прокладывает железные дороги, вершит промышленную революцию. Но этот деятельный капитализм плодит и нечистоплотных рыцарей наживы, тех, кто набивает трюмы кораблей черными невольниками, обманами и насилием захватывает колонии, хищнически грабит их, готов проливать человеческую кровь, лишь бы увеличивались прибыли. Такой рыцарь наживы оказался и в Хиве — Вильям Хоп, представитель Ост-Индской компании. Ради будущего богатства он ринулся на Восток. Но Восток есть Восток: Хоп попадает в плен и его обрабатывают «по-восточному» — отрезают нос, уши, выкалывают глаза. Человеческий обрубок, он живет вместе с бродячими собаками под стенами города, кормится отбросами и все еще надеется разбогатеть. Ради этого он готов на любое предательство, на убийство, лишь бы втереться в доверие. Хоп пробует совершить гнусный донос на капитана Ельцова и его учеников...

Передовое время... С одной стороны, оно дает о себе знать через капитана Ельцова идеями просвещения, с другой — через Вильяма Хопа идеями наживы. Та и другая стороны терпят крах в застывшей на рабовладельческой эпохе Хиве. Ученики Ельцова, юноши, дерзко опередившие время, погибают на площади от руки палача. Хопу ко всему прочему ради ханского любопытства вырезают еще и язык.

Жизнь сложна, сложны человеческие взаимоотношения — эти утверждения стали назойливой тривиальностью. Но как часто в показе тех или иных жизненных явлений прошлого наша литература ограничивается поверхностными наставлениями — то-то положительно, а то-то отрицательно, прогрессивно, реакционно, белое или черное, никаких полутонов, никаких противоречий. Читателю стоит лишь запомнить эти нехитрые указания, и он превратится в некое совершенство, гарантированное от ошибок и заблуждений. Нужно ли говорить, что такой примитивный подход особенно опасен, когда начинает осваиваться молодежью.

И пусть время, которое показал Икрамов в своем романе, принадлежит истории, но можно ли сомневаться, что каждый, кто вместе с автором проник в его противоречивую сложность, начнет лучше понимать

уже наше насыщенное время. Считаю заслугой издательства «Детская литература», что оно выпустило этот роман для старшего возраста, то есть для тех, кто еще только собирается вступить в жизнь, кому предстоит решать грядущие проблемы XXI века.

В. ТЕНДРЯКОВ